

подвиг на века

С ИГОРЕМ Николаевичем мы познакомились в белорусском городке Борисове. Здесь полковник Николаев, чей фронтовой путь пролегал от Подмосквы до Берлина, поселился, выйдя в отставку. По праву и долгу фронтовиков нам выпало вместе выступить перед молодежью. Порой мы засиживались до поздней, все вспоминая и вспоминая. Так складывались у меня со слов полковника Николаева рассказы о пережитом им на войне. Один из них я и предлагаю сегодня читателям.

* * *

Имя жены моего ближайшего фронтового товарища, комбата Петра Петровича Сапрыкина, — Наташа, фамилия — Залка. Она дочь венгерского коммуниста, писателя, героя республиканской Испании, генерала Лукача — Матэ Залка. Нападение гитлеровской Германии на нашу страну застало Наташу в Москве, студенткой театрального института. Она, не медля, отправилась добровольцем в действующую армию. Там ей поручили руководить художественным ансамблем. «После боя сердце просит музыки вдвойне...». Помните любимую в те суровые годы песню? Так вот, ансамбль и нес солдатам самые задумчивые песни о Родине, о любимых, которые ждут бойцов с победой. И нес, нужно вам сказать, на самую передовую. Со своими артистами Наташа без усталости переезжала из одной воинской части в другую.

Крепко полюбили своих друзей-артистов наши с Сапрыкиным саперы, и подлинным праздником всякий раз был для них приезд ансамбля. Солдаты и офицеры восторженно встречали скромную светловолосую девушку. Вместе с Наташей выступали солдаты, одаренные голосом и слухом, либо умевшие играть на музыкальных инструментах. Она искала их повсюду на передовой и была счастлива, если способный человек отыскивался. Тогда Наташа делала все возможное, чтобы привлечь его в свой ансамбль. На передовой как на передовой: маленький коллектив певцов и музыкантов тоже нес потери, нуждался в пополнении.

В этот свой приезд к нам Наташа собиралась встретиться с солдатом-сапером, которого товарищи по оружию называли баянистом, хотя мало кто видел когда-либо в его руках баян. Где-то в соседней с нами части Наташа прослышала о его игре и теперь хотела лично познакомиться и с самим солдатом, и с его музыкаль-

ными способностями. А если надежды оправдаются, то и добиться включения труппы в состав ансамбля.

Нужно же было беде, да еще такой, случиться как раз накануне приезда Наташи. Группа наших саперов, выполняя боевое задание, попала под губительный огонь фашистских минометов. Вот мы, офицеры, и сидели, покуривая, в полутемной землянке, омраченные тяжелыми потерями. И тут на пороге появилась Наташа.

— Хотелось бы прослушать вашего баяниста, — обратилась она к комбату. — Ансамблю очень нужен баянист.

Комбат, как и все мы, не желая ее огорчать, решил

Дочь генерала Лукача

скрыть, хотя бы до поры до времени, жестокую правду. Ему было невыносимо думать и говорить о саперах, убитых и раненных внезапным огнем фашистских минометов, о музыке, ансамбле, концертах. Все же он превозмог себя, улыбнулся и сказал как мог добрее:

— Хорошо, Наташа...

Примерно в трехстах метрах от первой траншеи, в небольшом леске на тесной лужайке выступали артисты. Зрители пробирались к ним по ходам сообщения, где пригнувшись, а где и ползком. Устраивались кто как мог. В нашем «концертном зале» присутствовали раненные — на носилках. Попробуй, откажи им в удовольствии встретиться с любимыми артистами! А вокруг спокойно. С короткими интервалами строчит немецкий пулемет. Слышно, как на соседний бугор плюхаются мины. Но все это не отражается ни на качестве исполнения, ни на энтузиазме восхищенных зрителей.

О, эти концерты в короткие интервалы между боями, там, где, по словам песни, «до смерти четыре шага»! Тут услышишь самые задумчивые, самые желанные мелодии и слова. Артисты — твои боевые товарищи, делают с тобой все тяготы войны. Попроси только, и они охот-

но споют по твоему заказу. Но и это еще не все. Ты можешь и сам, если в настроении, если по душе пришлась тебе песня, подтянуть вполголоса вместе с ними. Убежден, подлинную цену этим концертам знает лишь тот, кто слушал их, просидев в окопах даже не месяцы — годы.

Концерт закончился. К Наташе подошел комиссар Голов. Ему, конечно, известно, что баянист ранен. Но комиссар тоже решил до окончания концерта скрыть это от нее.

— Может, что-либо случилось, — Наташа почувствовала недоброе. — Говорите прямо, прошу вас! Где он?

— Здесь, — тяжело вздохнул комиссар. И тогда Наташа, сразу все поняв, обеспокоенная, зашпорила к зрителям, которые неподвижно лежали на носилках. Их еще не успели увести. Комиссар последовал за Наташей. Остановился первым. — Вот он... Баянист наш... Что уж теперь поделаешь?!

— Больно? — девушка склонилась над раненым.

— Ничего... Ничего... Стерплю я... А ты, Наташа, не печалься... Ты играй, играй!

— Поправляйтесь быстрее! Мы еще увидимся с вами. Вместе будем играть, вместе и споем. Обязательно вместе! До скорой встречи!

Наташа так и не узнала в тот свой приезд к нам, что несколько часов назад у этого солдата взрывом мины оторвало кисть руки. Где он нынче, наш батальонный баянист? Как сложилась его судьба после возвращения с войны? Не забыл ли сапер светловолосую стройную девушку, трогательно склонившуюся над его носилками среди сосенок негустого леска в Белоруссии, у передовой линии огня?

В мыслях своих я часто встречаюсь с боевыми побратимами. То баянист принимает меня гостем в своем доме, то на Урале, то в Сибири, то под Орлом, Москвой, в Тамбове или у нас, в Белоруссии. Пустой рукав гимнастерики не позволяет седому ветерану, как в грозной его молодости, голосисто развернуть мехи гармонии. Очень хочется, чтобы он знал: в семье полковника Сапрыкина и Натальи Залки (я вам уже сообщил, что они связали свои судьбы, добавлю, что живут они в Москве, Петр Петрович ведет активную педагогическую работу) среди множества воспоминаний о войне бережно хранится история, которую вы от меня услышали.

Аркадий ЭВЕНТОВ.
минск.